

Ртищева О. В.

КУЛЬТУРНЫЙ АНТРОПОЦЕНТРИЗМ ЯЗЫКОВЫХ ПРАКТИК В ЛИНГВОФИЛОСОФИИ ВИЛЬГЕЛЬМА ФОН ГУМБОЛЬДА

Ртищева О. В.

O. V. Rtishcheva

**КУЛЬТУРНЫЙ АНТРОПОЦЕНТРИЗМ ЯЗЫКОВЫХ ПРАКТИК
В ЛИНГВОФИЛОСОФИИ ВИЛЬГЕЛЬМА ФОН ГУМБОЛЬДА**

**CULTURAL ANTHROPOCENTRISM OF LINGUISTIC PRACTICES
IN LINGUISTIC PHILOSOPHY OF WILHELM'S VON HUMBOLDT**

Ртищева Оксана Владимировна – кандидат философских наук, доцент кафедры иностранных языков, декан социально-гуманитарного факультета Кемеровского государственного института культуры (Россия, Кемерово). E-mail: ortishheva@mail.ru.

Ms. Oksana V. Rtishcheva – PhD in Philosophy, Dean of the Faculty of Humanities and Social Studies, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Kemerovo State Institute of Culture (Russia, Kemerovo). E-mail: ortishheva@mail.ru.

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению особенностей проявления культурного антропоцентризма в языковых практиках, обуславливающих характер отношения человека к миру в лингвофилософии В. фон Гумбольдта. Объектом анализа выступает языковая коммуникация, рассматриваемая сквозь призму отношений человека и культуры. Отмечается, что в философии В. фон Гумбольдта развитие языка определяется в единстве с формированием духовной силы человечества, которая определяет человеческую общность. Внимание акцентируется на том, что развитие культуры диктуется прежде всего содержанием её внутренних творческих интенций, которые определяют духовное становление человеческого рода. Эта особенность проявляется в языкотворчестве, в котором реализуется живое начало внутренней истории человеческого рода в его реальном воплощении, как в акте превращения мира в мысли. Поэтому язык, по мнению В. фон Гумбольдта, следует рассматривать как мировидение. В этой связи антропоцентризм языковых практик проявляется уже в самом характере мышления, ориентированном на поиск и установление духовной общности человека с миром, формирующей содержательные основания развития культуры.

Summary. The article deals with the peculiarities of cultural anthropocentrism functioning of the language practices in linguistic philosophy of W. von Humboldt. The object of the analysis is the language communication, within the human relations and culture, determined by the desire for spiritual community with the world. Moreover, the author notes that W. von Humboldt links the creative potency of the language with the action of spiritual power, which determines the human nature. The attention is focused on the fact that cultural development is dictated by the content of its internal creative intensions, which define spiritual formation of the human race. This feature is presented in linguistic creativity where the live source of internal history of the human race in its real embodiment is implemented, as well as in the act of transformation of the world into thoughts. Therefore, the language, according to W. von Humboldt, should be considered as a world overview. In this regard, the anthropocentrism of language practices is shown already in the way people think that is aimed searching and implementing the spiritual community of the person with the world forming the substantial bases of cultural development.

Ключевые слова: В. фон Гумбольдт, культурный антропоцентризм, лингвофилософия, язык и культура, язык и мышление, языкотворчество.

Key words: W. von Humboldt, cultural anthropocentrism, linguistic philosophy, language and culture, language and thinking, linguistic creativity.

УДК 008

Выявление и актуализация лингвофилософских аспектов изучения языкового восприятия мира сквозь призму многообразия культур многими исследователями определяется в качестве значимого фактора формирования новой парадигмы гуманитарного знания XX века, характеризующейся отказом от рационального дискурса и переосмыслением философского знания в категориях культуры. Действительно, рассмотрение языка как принципа культурной рефлексии, открыва-

ющей возможность постановки антропоцентристской проблематики, реализуется в развитии аналитической философии первой половины XX века Б. Рассела, Г. Ферге, Л. Витгенштейна и др. [2]. Однако ещё в начале XIX века предвестником решения этих исследовательских задач, связанных с обращением к языковому антропоцентризму, обуславливающему многообразие культур, выступил В. фон Гумбольдт [3, 10]. Как отмечают В. М. Дианова, Ю. Н. Солонин, рассуждения автора о культурном антропоцентризме языковых практик способствовали пониманию множественности проявления форм индивидуализации ценностей, что в дальнейшем определило формирование идеи культурного релятивизма [8, 101]. Характеризуя творчество немецкого мыслителя, А. В. Гулыга отмечал: «Если свести вместе все многообразные философские интересы Гумбольдта, то их можно обозначить одним термином – «философская антропология». Проблема человека всегда приковывала его главное внимание» [7, 9-10]. Действительно, обращение к идеям антропоцентризма определило содержание многих работ В. фон Гумбольдта. В «Эстетических опытах», опубликованных ещё в 1798 году, автор, рассуждая о предметном содержании наук, писал: «Поэтому, о каком бы предмете ни шла речь, его всегда можно соотнести с человеком, а именно с целым его интеллектуального и морального организма» [7, 161]. А в качестве фундаментальной основы для объединения наук В. фон Гумбольдт обращается к исследованию языка, определяющему специфику взаимодействия человека и мира.

В 1836 году был опубликован его основной трактат «О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества», посвящённый характеристике механизмов осуществления языковых практик в разных культурах. Обращаясь к этой работе, многие исследователи отмечали, что для неё характерна вариативность в категориальном определении методологии анализа языка, что способствует нарушению рационального дискурса. Так, например, М. Н. Правдин, выявляя основные подходы к пониманию языка в лингвофилософии В. фон Гумбольдта, пишет: «...неволью приходишь к впечатлению, будто эту работу писали два или даже три разных человека» [12, 45]. О невозможности однозначной оценки языка писал сам В. фон Гумбольдт: «Трудность исследования наиболее важных и самых тонких элементов языка состоит в том, что в общей картине языка наше чувство с большей ясностью и убедительностью воспринимает его отдельные и преходящие элементы, но исследователю не удаётся с достаточной полнотой формулировать воспринятое в чётких понятиях» [6, 71]. Преодолевая категориальную строгость суждений, автор акцентирует внимание на содержательной значимости постановки лингвофилософских проблем осуществления культуры, связанных с рассмотрением общих вопросов языкового взаимодействия человека и мира. В связи с этим Э. Кассирер писал: «Его произведения как творения духа нередко превосходят то, что он сам выражает по их поводу в ясных и чётких понятиях. Но и затемнённая некоторых понятий Гумбольдта, так часто вызывавшая нарекания, всегда несёт в себе и продуктивный содержательный момент – правда, такой момент, который по большей части невозможно заключить в простую формулу, в абстрактную дефиницию, но который оказывается действенным и плодотворным лишь в целом конкретной работы Гумбольдта над языком» [10, 84].

В качестве такой объединяющей дефиниции, для которой свойственно отсутствие строгой семантической завершённости, в работе «О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества» выступает понимание «человеческой духовной силы». Об этом автор заявляет во введении книги, обращаясь к проблеме определения интегративных оснований процессов развития человечества: «Разделение человечества на народы и племена и различие его языков и наречий, конечно, тесно связаны между собой, но вместе с тем и то и другое непосредственно зависит от третьего явления более высокого порядка – действия человеческой духовной силы (*Erzeugung menschlicher Geisteskraft*), выступающей всегда в новых и часто более совершенных формах» [6, 46-47].

Эти рассуждения В. фон Гумбольдта о *действии человеческой духовной силы* во многом явились продолжением идей И. Г. Гердера о народном характере, о душе народа, которые в своё время были определены ещё в работах Дж. Вико. Рассматривая связь языка и культуры, И. Г. Гердер отмечал, что человеческая общность детерминируется его народным характером, проявляю-

щимся в обычаях и традициях, а язык закрепляет в себе содержание этих идей: «Ведь всякий язык – это сосуд, в котором отливаются, сохраняются и передаются идеи и представления народа. Особенно же если народ так привязан к своему языку и всю свою культуру выводит из языка» [5, 298]. И, более того, язык в представлениях И. Гердера выступает в качестве главного принципа обретения человеком своей идентичности: «Лишь язык превратил человека в человека, чудовищный поток аффектов язык сдержал дамбами и поставил им разумные памятники в словах» [5, 236-237]. Также и В. фон Гумбольдт, рассматривая развитие языка в единстве с духовной силой человечества, связывал его творческие интенции, обеспечивающие многообразие культурных форм, с проявлением национального духа, способствующего установлению человеческой идентификации. Поэтому «чем сильнее воздействие духа на язык, тем закономерней и богаче развитие последнего» [6, 47].

Однако в дальнейших рассуждениях В. фон Гумбольдта подобный характер воздействия духа на язык переосмысливается в связи с обращением к древним эпохам, для которых свойственно бытийное понимание языка. В связи с этим автор отмечал: «Но есть такая древность, в которой мы не видим на месте культуры ничего, кроме языка, и вместо того чтобы просто сопутствовать духовному развитию, он целиком замещает его» [6, 48-49]. Исследователь открывает самостоятельное начало (*Selbstthätigkeit*) языка, которое сравнивается им с произвольной эманацией духа, а уже в дальнейшем его индивидуализация стала определяться содержанием исторического развития народов. Рассмотрение такой зависимости, отличающейся от определения телеологической целесообразности человеческой истории, требовало особой рефлексии, поэтому В. фон Гумбольдт отмечал: «Проявление человеческой духовной силы в её многоликом разнообразии не привязано к ходу времени и к накоплению материала. Насколько необъясним её источник, настолько же непредсказуемо и действие, и высшие достижения здесь совсем не обязательно должны быть последними по времени возникновения. Поэтому, если мы хотим подглядеть за созидательной работой творящей природы, мы не должны навязывать ей тех или иных идей, а принимать её такой, какую она себя являет» [6, 50].

Таким образом, В. фон Гумбольдт приходит к выводу о необходимости рассмотрения языка вне его отношений к внешним функциональным характеристикам, так как язык для исследователя становится не просто средством общения и установления социальных связей, а основой развития внутренних духовных сил человека, реализация которых и обеспечивается языкотворческой активностью, которая свидетельствует о том, что «язык следует рассматривать не как мёртвый продукт (*Erzeugtes*), но как созидающий процесс (*Erzeugung*)» [6, 69]. Как справедливо отмечает М. В. Лебедев, язык в представлении философа – это система вечно и непрерывно создаваемая, «пафос утверждения динамического начала в языке привел Гумбольдта к абсолютизации изменчивости и подвижности языка» [11, 92]. Эти особенности, свидетельствующие о формировании активистской теории взаимоотношения языка и культуры В. фон Гумбольдта, рассматривает Б. Анджеевский: «В понимании Гумбольдта язык непременно активен и созидателен, и, следовательно, никогда не равен самому себе, в каждый момент он изменяется. Нельзя в нём видеть завершенный продукт, «неодушевлённый предмет», его следует рассматривать как непрерывное творчество, вечную работу духа» [1, 20].

Внутренние созидательные потенции языка в культуре, способствующие расширению горизонтов мировидения, неизменно определяются человеческой духовной силой. В связи с этим В. фон Гумбольдт пишет: «Чем сильнее и ярче самостоятельная духовная сила, следуя собственным законам и формам созерцания, проливает свой свет на этот мир прошедшего и будущего, каким человек обволакивает непосредственный момент своего существования, тем чище и вместе с тем разнообразнее формируется вся масса человеческих представлений» [6, 54]. В качестве основания развития человеческих представлений о мире В. фон Гумбольдт обращается к принципу *внутренней силы*, который объясняется не внешними причинно-следственными связями, а проявлением самобытной единой направленной творящей воли. Поэтому прямая зависимость языкотворческой активности от уровня развития цивилизации для исследователя представлялась искусственной, так как в ситуации этой зависимости проявляется обесценивание содержательных осно-

ваний культуры, достижения которой диктуются прежде всего достоинством человеческой жизни. В связи с этим автор писал: «Так называемые примитивные и некультурные языки могут иметь в своем устройстве выдающиеся достоинства, и действительно имеют их, и не будет ничего удивительного, если окажется, что они превосходят в этом отношении языки более культурных народов» [6, 57].

Исследователь акцентирует внимание на том, что развитие культуры диктуется прежде всего содержанием её внутренних творческих интенций, обеспечивающих духовное становление человеческого рода, которое включает в себя четыре главных момента:

- спокойное существование людей в естественных условиях жизни;
- активность людей, диктуемая внутренними и внешними факторами (переселения, войны и т. д.);
- интеллектуальные достижения людей, сплетающиеся в связную цепь причин и следствий;
- проявление духа как скрытого действия внутренней силы человечества [6, 60].

В этом общем перечне действий, характеризующих принципы развития культуры в целом, значимым является обращение к интегративной активности, обеспечивающей сохранение социальной целостности. Однако В. фон Гумбольдт, рассуждая о едином направленном действии индивида и всего человеческого рода, указывает на дивергентность этих действий: «Дивергенция проявляется в том, что судьбы рода, несмотря на гибель поколений, пускай неровным путём, но в целом, насколько мы можем судить, неуклонно ведут его к совершенству, тогда как индивид не только выпадает – причём часто неожиданно и в разгар своих самых важных свершений – из этой общей судьбы, но, кроме того, по своему внутреннему самосознанию, по своим предчувствиям и своим убеждениям всё равно не верит, что стоит у конца своего жизненного пути» [6, 60-61]. Этот парадокс человеческой жизни сформировал содержательную специфику языковых практик, связанных с обращением к тому, что является узнаваемым и неузнаваемым, знакомым и незнакомым одновременно. Рассматривая истину в качестве целевой установки коммуникационных процессов, В. фон Гумбольдт отмечал, что её достижение требует соединения субъективного восприятия с общей природой человека, так как осознание своей ограниченности требует обращения к внешнему объективному миру, что порождает значимость речевой деятельности, обеспечивающей связь с этим миром. В этом ключе, рассматривая особенности лингвофилософии В. фон Гумбольдта, А. М. Галиева и З. З. Ибрагимова справедливо отмечают: «Язык по своей природе амбивалентен, антиномичен, и эта амбивалентность проявляется и в отношении его одновременной субъективности и объективности» [4, 26].

Парадокс человека в культуре, определяющий специфику языковых практик, характеризуется В. фон Гумбольдтом, с одной стороны, проявлением индивидуальности, а с другой стороны, – стремлением к цельности: «Поистине предощущение цельности и стремление к ней возникают в нём вместе с чувством индивидуальности и усиливаются в той же степени, в какой обостряется последнее, – ведь каждая личность несёт в себе всю человеческую природу, только избравшую какой-то частный путь развития» [6, 64]. Стремление человека к цельности в культуре выражается в содержании языковых практик, направленных на установление духовной общности с миром.

Рассмотрение специфики языковой коммуникации через выявление отношений человека к миру было осуществлено в неоконченном лингвофилософском исследовании В. фон Гумбольдта «О двойственном числе». Автор работы отмечает, что дуализм проявления связи человека с миром выступает в качестве условия развития языкотворчества, в котором реализуется глубинная двойственность устройства духа: «Но в невидимом устройстве духа, в законах мышления, в классификации его категорий понятие двоичности находит ещё более глубокие и первоначальные корни: в тезисе и антитезисе, в положении и снятии, в бытии и небытии, в «я» и мире» [7, 398]. Соответственно, любые формы реализации языковых практик, по мнению исследователя, сводятся к проявлению двоичности, в основе которой лежит характер человеческого мировосприятия через отношения «свой» – «чужой», но одновременно эта разъединённость порождает стремление человека к установлению духовного единства: «Самое решающее обстоятельство для языка – то, что двоичность в нём занимает более важное место, чем где бы то ни было ещё. Всякое говорение ос-

новывается на чередовании высказываний, во время которого, даже при нескольких участниках, говорящий всегда противопоставляет себе собеседников как единство. Человек говорит, даже мысленно, только с другим или с самим собой, как с другим, и тем самым очерчивает круг своего духовного родства, отделяет тех, кто говорит, как он, от тех, кто говорит иначе. Эта черта, разделяющая всё человечество на два класса – свой и чужой – есть основа всякой первоначальной общественной связи» [7, 399].

Таким образом утверждается то, что уже в самом языке заключен дуализм, который реализуется в содержании языковых практик, связанных с обращением к кому-либо. И даже если рассматривать автокоммуникацию на уровне проявления мыслительной способности, этот механизм повторяется: «Даже мышление существенным образом сопровождается тягой к общественному бытию, и человек стремится, даже за пределами телесной сферы и сферы восприятия, в области чистой мысли, к «ты», соответствующему его «я»; ему кажется, что понятие обретает определённую и точность, только отразившись от чужой мыслительной способности» [7, 399]. В соответствии с этими рассуждениями В. фон Гумбольдта О. Э. Иванова отмечает: «Круг духовного родства говорящего может быть как внутренним, в случае разговора с самим собой, как с другим, так и внешним, если человек говорит с телесно (материально) другим. Это обстоятельство выводит нас на возможности автокоммуникации (самопознания) и коммуникации как таковой (типичной)» [9, 129]. Общность содержания коммуникации и автокоммуникации свидетельствует о потенциальном совпадении мыслительной и языковой активности человека.

Рассуждения В. фон Гумбольдта о языковых практиках сквозь призму проявления мыслительной активности человека способствуют пониманию духовной человеческой силы как всеобъемлющей основы содержания культуры, которая обеспечивает её целостность. В связи с этим автор отмечал: «Впрочем, рассматривать ли язык как определённое мирозерцание или как способ сочетания мыслей – ибо он объединяет в себе и то и другое, – он всегда с необходимостью опирается на совокупность человеческой духовной силы; из неё нельзя ничего исключить, потому что она охватывает собою всё» [6, 66]. Поэтому языкотворчество, по мнению автора, представляет собой такой акт превращения мира в мысли, в котором реализуется живое начало внутренней истории человеческого рода в его реальном воплощении. Поэтому язык по характеру своего влияния на познание и на чувства следует рассматривать как мировидение. Об этом, выявляя специфику сравнительного языкознания, В. фон Гумбольдт писал: «Разные языки – это отнюдь не различные обозначения одной и той же вещи, а различные видения её; и если вещь эта не является предметом внешнего мира, каждый [говорящий] по-своему её создаёт, находя в ней ровно столько своего, сколько нужно для того, чтобы охватить и принять в себя чужую мысль. Языки – это иероглифы, в которые человек заключает мир и своё воображение; при том, что мир и воображение, постоянно создающее картину за картиной по законам подобия, остаются в целом неизменными, языки сами собой развиваются, усложняются, расширяются» [7, 349]. В связи с этим Е. Б. Хромова отмечает: «Говорить на языке, согласно В. фон Гумбольдту, это не просто рассказывать, это передавать то, как ты видишь мир. Обращаясь к человеку, мы тем самым обращаемся к его образу мира, связанному с языком» [13, 108]. Таким образом, В. фон Гумбольдт, актуализируя значимость связи языка и мышления, взаимообусловленность которых диктуется их рассмотрением сквозь призму самоосуществления человека в культуре, приходит к выводу о формировании внутреннего мира человека через его языкотворческую активность, устанавливающую связь с духовной силой человечества. В этой связи антропоцентризм языковых практик проявляется уже в самом характере мышления, ориентированном на поиск и установление духовной общности человека с миром, формирующей содержательные основания развития культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анджеевский, Б. Иммануил Кант и вопросы коммуникативного конструктивизма / Б. Анджеевский // Кантовский сборник. – 2015. – № 1. – С. 17-25.
2. Астахов, О. Ю. Языковая рефлексия мира в философии Людвиг Витгенштейна / О. Ю. Астахов, О. В. Ртищева // Идеи и Идеалы. – 2018. – Т. 1. – № 1. – С. 132-141.

3. Беляева, И. Ф. Вильгельм фон Гумбольдт – лингвист, переводчик, теоретик перевода / И. Ф. Беляева, Г. Т. Хухуни // Вильгельм фон Гумбольдт и его наследие: классика и современность // Материалы Всероссийской заочной научн.-практ. конф. – М.: Московский государственный областной университет, 2017. – С. 5-10.
4. Галиева, А. М. Антропологическая природа языка в лингвофилософии В. фон Гумбольдта / А. М. Галиева, З. З. Ибрагимова // Учёные записки Казанского университета. – 2012. – Т. 154. – Кн. 1. – С. 19-28.
5. Гердер, И. Г. Идеи к философии истории человечества / И. Г. Гердер. – М.: Наука, 1977. – 703 с.
6. Гумбольдт, В. фон Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт. – М.: Прогресс, 2000 – 400 с.
7. Гумбольдт, В. фон Язык и философия культуры / В. фон Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1985. – 448 с.
8. Дианова, В. М. История культурологии: учеб. для бакалавров / В. М. Дианова, Ю. Н. Солонин. – М.: Юрайт, 2013. – 461 с.
9. Иванова, О. Э. Бытие «между я и ты» как континуум смыслопорождения в западноевропейской философии: Гумбольдт, Фейербах, Эбнер, Розенцвейг, Бубер / О. Э. Иванова // Вестник Челябинского государственного университета. Философия. Социология. Культурология. – 2010. – Вып. 18. – № 20(201). – С. 129-135.
10. Кассирер, Э. Философия символических форм. В 3 т. Т. 1. Язык / Э. Кассирер. – М.; СПб.: Университетская книга, 2002. – 271 с.
11. Лебедев, М. В. Динамический подход к анализу соотношения истинности и обоснованности в структуре языкового значения / М. В. Лебедев // Ценности и смыслы. – 2009. – № 3. – С. 92-110.
12. Правдин, М. Н. Противоречие в теории как сигнал к смене научной парадигмы (В. фон Гумбольдт, Ф. де Соссюр) / М. Н. Правдин // Лесной вестник. – 2002. – № 3. – С. 45-50.
13. Хромова, Е. Б. Некоторые аспекты философии языка В. фон Гумбольдта: о соотношении понятий «национальный дух» и «язык» / Е. Б. Хромова // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. – 2010. – № 4. – С. 104-110.